

Экологизм нефтепромышленников

Конференция ООН по климату (COP28), проходившая в дубайском Exco City и собравшая около 90 тыс. делегатов, официальных лиц и лоббистов из 198 стран, завершилась 12 декабря документом, который одни назвали «историческим», другие – «началом конца ископаемого топлива», а третьи – хартией «ложных обещаний».

Можно ли было поверить в дебаты по вопросам изменения климата и ликвидации ископаемого топлива, прошедшие в присутствии тысяч лоббистов нефтяных государств в одной из столиц ОПЕК под председательством Султана Аль-Джабера, министра промышленности ОАЭ, а также президента Abu Dhabi National Oil Co из всё тех же ОАЭ, седьмой в мире нефтяной державы по запасам этого углеводорода, которую *BBC* обвинила в желании использовать конференцию для обеспечения нефтяных контрактов с остальным миром?

Из Катовице в Дубай

Есть второй вопрос: зачем генералы капитала, участвующие в глобальной битве за электрическую и цифровую реструктуризацию, которая уже поглощает сотни миллиардов долларов каждый год, вкладываемых в солнечную, ветровую и атомную энергетику, производство электромобилей и батарей, добычу сырья и создание инфраструктуры, поехали в Дубай? Чтобы отказаться от доходов от нефти или всё же попытаться заполучить их в рамках торговой сделки? «Дубайский консенсус» – это ответ на два эти вопроса, а также этап глобального сражения вокруг перехода, которое продлится десятилетия.

В 2019 году, после окончания COP24 в Катовице, мы идентифицировали кампанию за «спасение планеты», начатую Парижским соглашением 2015 года, как идеологическую форму, которую приняли крупные промышленные и финансовые группы, нуждающиеся в прочном восстановлении капиталистического накопления, которое через семь лет после мирового финансового кризиса всё ещё пытается подняться. Действительным содержанием этого знамени, мобилизовавшего миллионы молодых людей, был запуск нового стратегического инвестиционного цикла – *green economy*. «Капитал носит зелёное» – таков был наш синтез этих двух моментов. Тогда мы представляли некоторые оценки объёма капитала, необходимого для запуска нового инвестиционного цикла. По оценкам МЭА (Международного энергетического агентства), только для энергетического сектора потребность составит 3,5 трлн долл. в год в течение 3 десятилетий, до 2050 года. «Куда пойдёт этот дождь из миллиардов?», – задавались мы вопросом.

Тогда Марк Карни попытался построить финансовый рынок «для перехода к миру с потеплением в 1,5 градуса». Управляющему Банка Англии удалось привлечь к участию около 900 крупнейших компаний и банков стран Большой двадцатки и 42 центральных банка. Цель заключалась в том, чтобы отдать предпочтение компаниям, которые инвестировали в *green economy*, и наказать «коричневых» инвесторов. В последующие годы несколько компаний, участвовавших в этом проекте, были обвинены в *greenwashing*: они использовали «зелёный» знак качества, но продолжали вести бизнес с компаниями, загрязняющими окружающую среду.

«Зелёные» миллиардеры в Глазго

Два года спустя, в 2021 году, на COP26 в Глазго под ударами Covid-19 и геополитической напряжённости, великий климатический расклад начал скрипеть вдоль линии разлома, связанной с тем, что две крупнейшие демографические державы – Китай и Индия, а также другие «развивающиеся» страны, «предпочли» уголь. К этому добавилось давление, вызванное жёсткими сроками, установленными европейскими правительствами для закрытия угольных электростанций и прекращения производства бензиновых и дизельных автомобилей, что привело к резкому сокращению инвестиций в ископаемую энергетику. Было продемонстрировано очевидное: единый фронт всех держав, даже в частном вопросе о климатической битве, был иллюзорным. Верх взяли верх неравномерное развитие и империалистическая конкуренция.

Среди «зелёных миллиардеров» Глазго начались разногласия. Карни представил свой Net Zero Alliance (GFANZ), состоящий из 450 крупных групп с активами в 130 трлн долл. Боссы

некоторых финансовых гигантов, таких как BlackRock, Blackstone, JPMorgan, Goldman Sachs, заявили, что обеспокоены ослаблением сферы нефтяных инвестиций, не компенсируемым ростом возобновляемой энергетики. Лоуренс Финк из BlackRock заявил: «Сокращение инвестиций не приведёт нас к миру с нулевым уровнем выбросов, оно только сделает его ещё хуже». Диспропорции и противоречия нарастали. Оценки финансовых потребностей “зелёного” перехода также росли. Мы приводили оценки Bank of America и *The Economist*: первый указывал на потребность в капитале в размере 5 трлн долл. в год до 2050 года, второй оценивал её в 4 трлн долл. в год в течение десятилетия 2021–2030 годов. «Кто будет финансировать эти инвестиции?», – вопрошал *The Economist*. *Financial Times* в своей колонке Лех оценила объём инвестиций в 2,5 трлн долл. в год в течение пятилетки 2021–2025 годов, 30 % из которых должны быть покрыты за счёт государства, 35 % – листинговых компаний, 17 % – финансовых учреждений, 18 % – частных лиц и семей.

Война и ископаемое топливо

Через три месяца после конференции в Глазго Россия вторглась на Украину. Санкции против Москвы и российское газовое эмбарго против Европы привели к росту мировых цен на нефть и газ. Война принесла лавину непредвиденных прибылей производителям нефти, природного и сжиженного газа из стран Персидского залива и США, укрепив их позиции. Стабильность мировых цен, достигнутая в том числе благодаря соглашению о сокращении добычи между Саудовской Аравией и Россией, подтолкнула добычу американской нефти к рекордно высокому уровню, который достиг 13,2 млн баррелей в день, и это изобилие теперь создаёт понижающее давление на цену за баррель. В то же время вырос политический протанизм нефтяных монархий со складыванием беспрецедентного средневосточного баланса, элементами которого стали: сближение Саудовской Аравии с Ираном благодаря посредничеству Китая; подписание Соглашений Авраама между арабскими государствами и Израилем; роль Эр-Рияда, которая ещё не определена, в проекте “Хлопковый путь” с железнодорожным сообщением Индия – Ближний Восток – Европа (ИМЕС). Параллельно укрепились позиции Китая среди производителей возобновляемой энергии, несмотря на санкции, введённые Дональдом Трампом и подтверждённые Белым домом Джо Байдена.

В октябрьском ежегоднике “*World Energy Outlook 2023*” МЭА подчёркивает ускорение гонки в сфере возобновляемых источников энергии и заявляет, что потребление всех видов ископаемого топлива достигнет своего пика к 2030 году. Сумма ископаемого топлива снизится с 80 до 73 %, если правительства выполнят свои обязательства по защите климата. На ту же тенденцию указывает октябрьский доклад ОПЕК “*World Oil Outlook 2045*”, хотя МЭА делает больший акцент на скорость снижения квот на ископаемое сырьё. Снижение потребления будет происходить главным образом за счёт сокращения доли угля, тогда как уровни добычи нефти и газа, по данным ОПЕК, продолжат расти до 2045 года.

Миссия невыполнима?

Итоговый документ COP28 подтверждает обязательство удерживать глобальное потепление на уровне 1,5 градусов выше доиндустриальной температуры и с этой целью предусматривает сокращение выбросов на 43 % к 2030 году и на 60 % к 2035-му. Эти цели, которые должны быть достигнуты на добровольной основе, являются излюбленной мишенью скептиков. *Washington Post* напоминает, что сокращения такого масштаба происходили только во время пандемии, когда большая часть деятельности полностью остановилась. И другие количественные цели, такие как утроение глобальных мощностей возобновляемой энергетики и удвоение энергоэффективности к 2030 году, можно понять как рычаги мобилизации, которые потребуют сильных американских стимулов и субсидий. С другой стороны, важны качественные цели, которые расширяют диапазон переходных технологий, включая те, что связаны с природным газом, ядерной энергетикой, снижением выбросов углекислого газа посредством улавливания и хранения, а также водородом, и эти цели адресованы конкретным группам собеседников, таким как двадцать стран, заявивших об открытии окна ядерной энергетике. Нефтяные монархии питают настоящую страсть к технологиям улавливания углерода, поскольку последние позволяют перенести климатическое сражение из сферы производства ископаемой энергии в сферу выбросов,

возникающих в результате использования топлива, то есть с этапа добычи полезных ископаемых, на котором формируется рента монархий и где они господствуют, на этап промышленных процессов нефтепереработки, нефтехимии и сжигания, вплоть до последнего звена бытового использования.

Лексический компромисс между теми, кто хотел объявить об окончательном отказе от ископаемой энергетики, и теми, кто не хотел выходить за рамки её сокращения, с формулой “перехода” от ископаемой энергетики предполагает, что для нефтяных компаний, подобных Abu Dhabi National Oil Co, оседлавших лозунг *«максимум энергии, минимум выбросов»*, энергетический переход – это банкет, который лучше не пропускать. Это сложный процесс, а будущий энергетический баланс неизвестен, как и время его формирования.

“Зелёные” инвестиции и финансы

По оценкам МЭА, в 2023 году общий объём инвестиций в энергетику составил 2,8 трлн долл., из которых 1 трлн долл. пришёлся на ископаемую энергетику и 1,8 трлн долл. – на возобновляемые источники энергии, включая расходы на инфраструктуру. МЭА оценивает будущие инвестиции в возобновляемую энергетику в период между 2030 и 2050 годами в соответствии с тремя сценариями: если предположить, что правительства сохранят свои официальные климатические обязательства, среднегодовой объём инвестиций составит около 2,5 трлн долл.; исходя из объявленных, но не принятых намерений, ожидается, что ежегодные инвестиции составят около 4 трлн долл.; наконец, в сценарии “нулевых чистых выбросов к 2050 году” достигаются средние инвестиции в размере около 5 трлн долл. в год. Накануне COP28 и во время её работы возникли некоторые идеи по поиску ресурсов для поддержки перехода. Существуют две основные школы мысли.

В предложении директора-распорядителя МВФ Кристалины Георгиевой, председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен и гендиректора ВТО Нгози Оконджо-Ивеалы подчёркивается центральная роль механизма установления цен на выбросы углерода, который может стать эффективным стимулом для декарбонизации и сокращения выбросов углерода, а также хорошим источником дохода для инвестиций в возобновляемые источники энергии. Существует аналогия с политикой выделения субсидий в размере 1,3 трлн долл. в год, которые сейчас выплачиваются, чтобы гарантировать потребление в эпоху ископаемого топлива, и должны быть направлены на стимулирование *green economy*. Верховный представитель ЕС по иностранным делам Жозеп Боррель вместе с европейским комиссаром по климату Вопке Хукстрой также поддержали создание рычага установления цен на выбросы углерода.

Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун предложил схему финансирования энергетического перехода на Глобальном Юге, чтобы покрыть инвестиционный дефицит в 1 трлн долл. в год. Браун предлагает создать треугольник, в который войдут основные нефтедобывающие государства, которые должны самостоятельно ввести налог на чрезвычайные доходы в размере порядка 25 млрд долл.; этот капитал должен послужить базой под многомиллиардные гарантии крупнейших мировых эмитентов долговых обязательств; привлечённый капитал и выданные гарантии будут предоставлены в распоряжение Всемирного банка и многосторонних банков развития, которые тем самым смогут в четыре раза увеличить объём ресурсов для поддержки стран с низким и средним уровнем дохода. Схема Брауна была изложена в документе 58 бывших правительственных чиновников, обратившихся к председателю COP28 Аль-Джаберу с просьбой предложить *«использовать часть рекордных доходов от нефти и газа»* для финансирования перехода на мировом Юге.

А на Глобальном Севере проблемы для перехода создадут затраты на перевооружение. “Зелёная” реструктуризация пересекается с долговыми проблемами, из-за которых Всемирный банк назвал нынешнее десятилетие *«десятилетием долгового кризиса»*. В 1970-е годы источником капитала для преодоления кризиса реструктуризации стала рециркуляция нефтедолларов. Посмотрим, повторится ли история, и если да, то в каких формах.

Декабрь 2023 г.